

Мартин Байсвенгер

«Консервативная революция» в Германии и движение евразийцев: точки соприкосновения*

Немецкие интеллектуалы 1920-х - начала 1930-х г., идеи которых вошли в историографию под названием «консервативной революции», занимают безусловно важное место в истории консерватизма в Германии¹. Эти интеллектуалы проповедовали отказ от «отживших» политических и культурных ценностей «Запада» и требовали возрождения сильной и независимой Германии на основе исконно немецких традиций и в форме «органичной» и «народной» государственности. При всех различиях во взглядах, представителей «консервативной революции» объединяла антидемократическая направленность их идей, распространением которых они содействовали дестабилизации и разрушению политической системы Веймарской республики. Таким образом, они безусловно несут определенную долю ответственности за кризис демократии в Германии, ее окончательное уничтожение в 1933 г. и последовавшие события².

Интеллектуальное движение так называемых евразийцев, возникшее в среде русских эмигрантов в Европе и действовавшее также в 1920-е и 1930-е гг., не оказало такого воздействия на политическую обстановку в собственной стране, однако в истории русского консервативного мышления оно, без сомнения, занимает место, аналогичное тому, которое занимали «консервативные революционеры» в Германии. Евразийцы определяли Россию как «особый мир» на основе ее

* Ранее опубликовано в сборнике «Консерватизм в России и мире. Часть III» (Ред. кол.: А. Ю. Минаков [отв. ред.], С. Г. Алленов, М. Д. Долбилов и др. Воронеж: ВОРГУ, 2004. С. 49-73).

¹ Термин «консервативная революция» был введен в научный оборот А. Молером в 1950 г. (Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. 3. Auflage. Darmstadt, 1972) для обозначения самостоятельного консервативного движения, мировоззрение которого отличалось и от национал-социалистов и от представителей консервативной реакции. Этот термин подвергся резкой и блестящей критике со стороны С. Бройера (Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. 2. Auflage. Darmstadt, 1995), который предложил взамен понятие «новый национализм», а также Р. фон ден Буше (v. d. Bussche R. Konservatismus in der Weimarer Republik. Die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg, 1998), который выдвинул понятие «консервативный утопизм». Тем не менее, современные «консерваторы» настаивают на сохранении термина «консервативная революция»: Weißmann K. Konservative Revolution - Forschungsstand und Desiderata // v. Schrenck-Notzing C. (ред.) Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus. Berlin, 2000. S. 119-139. Автор данной статьи разделяет сомнения в адекватности термина «консервативная революция» и считает, что эти группировки следует рассматривать в рамках общего консервативного мышления, как это делает А. Шильдт (Schildt A. Konservatismus in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 1998). Поэтому автор пользуется здесь этим термином лишь как дань общей традиции.

географии, истории, культуры и религии (православия). Подчеркивая эту «уникальность» России, они, подобно немецким «консервативным революционерам», также отвергали «западную цивилизацию», и связанную с ней политическую систему, либерализм и демократию, и, в свою очередь, противопоставляли ей своеобразную «евразийскую цивилизацию», которой должно было принадлежать будущее. В этой связи евразийцы благоприятно восприняли Октябрьскую революцию, в которой они видели «здоровую» реакцию на «ошибочную» европеизацию России. Их конечной целью была попытка заменить коммунистическую идеологию «евразийской»³.

Очевидное сходство во взглядах евразийцев и «консервативных революционеров» в плане их «антизападной» и антидемократической направленности вызвало вопрос об их возможном взаимном влиянии. Этот вопрос не раз дискутировался в научной литературе. Так, например, немецкий историк О.Е. Шюддекопф пишет, что «консервативные революционеры» находились под сильным воздействием политических взглядов евразийцев, в частности в суждениях о Советском Союзе⁴. Но он не приводит дальнейших доказательств, ссылаясь в этом вопросе на статью А.М. Липянского, который, однако, дал лишь общую характеристику одной консервативной немецкой группировки, и только попутно и весьма поверхностно упомянул определенное сходство их взглядов с евразийцами⁵. Таким образом, утверждения о влиянии евразийцев на «консервативных революционеров» не подкрепляются достаточными доказательствами.

Более убедительно выглядит позиция Л. Люкса, который пишет не о взаимном влиянии, но о параллельном развитии этих идейных течений⁶. Оба движения, указывает Люкс, сложились под впечатлением катастрофических событий прошлого - первой мировой войны или русской революции. Они действовали одновременно в 1920-е гг., когда политическая обстановка в обеих странах представлялась нестабильной и, таким образом, казалась идеальной для «идеократиче-

² См. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. 4. Auflage. München, 1994.

³ Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.

⁴ Schüddekopf O.E. Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960. S. 124, 189. Ханс Хекер пишет о существенном влиянии евразийцев на образ России в западной Европе и в частности у представителей консервативной революции ссылаясь при этом на работу Шюддекопфа: Hecker H. «Die Tat» und ihr Osteuropa-Bild. 1909-1939. Köln, 1974. S. 218-219, Прим. 64.

⁵ Lipiansky A.M. Pour un Communisme National, la revue «Die Tat» // Revue d'Allemagne 6 (1932). 15.10.1932. S. 849-867 (о евразийцах см. там же: S. 861).

⁶ Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 34 (1986). S. 374-395; Он же. «Eurasier» und «Konservative Revolution». Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland // Koenen G., Kopelew L. (ред.) Deutschland und die Russische Revolution. 1917-1924. München, 1998. S. 219-239. Работа Люкса 1986 года была перепечатана в сокращенном виде на русском языке: Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии 6 (1993). С.105-114 а также: Он же. Россия между Западом и Востоком. М., 1993. С. 76-91.

ских» движений, желавших изменить мир посредством идей вместо неповоротливых аппаратов или трудно управляемых массовых движений. Оба движения можно также рассматривать как восстание молодежи против идей и целей старших поколений. Люкс выявляет сходство обоих течений и в идейном отношении: они критиковали «западную цивилизацию», противопоставляли «внутренне разорванному», «механическому» Западу идеал «гармоничного» или «органичного» государства. Они следовали схожей политической тактике, желая «захватить» мощную тоталитарную партию изнутри и использовать ее сторонников в собственных целях. Организационная структура этих групп также имела сходные черты и строилась по элитарному принципу. Они верили во всемогущество идей и, следовательно, отводили в своих идейных и политических концепциях центральное место вопросам идеологии.

Несмотря на ряд различий между евразийским движением и «консервативными революционерами»⁷, оба движения, с точки зрения Люкса, отражали общеевропейские процессы. В этом смысле культурпессимистические элементы евразийской идеологии также отражали, по существу, западноевропейские процессы, и были симптомом не только русского, но и всеобщего европейского кризиса, чем сами, не желая этого, евразийцы косвенно утверждали принадлежность России к Европе⁸. Таким образом, для Люкса все эти факты свидетельствуют об одновременном феномене, основанном на схожих политических и общественных предпосылках. Однако в данном случае, по мнению Люкса, речь должна идти о «параллелях без соприкосновений»⁹.

Вывод Люкса, с нашей точки зрения, в целом правильно определяет суть проблемы. Однако по крайней мере в начале 1930-х гг. евразийцы живо интересовались идеями «консервативных революционеров», о чем свидетельствует выпущенная тогда статья евразийца А.П. Антипова о немецких консервативных группировках¹⁰. Этот интерес был не случайным и не поверхностным. Более того, как свидетельствуют неизвестные ранее архивные документы, в указанный период евразийцы даже предпринимали попытки наладить действенный контакт с немецкими консерваторами. Следовательно, применительно к началу 1930-х гг. нельзя уже говорить о «параллелях без соприкосновений». Что вызывало такой

⁷ Люкс указывает: если для евразийцев религия играла важную роль, то для большинства «консервативных революционеров» она не имела значения; в отличие от «консервативных революционеров» у евразийцев не было эстетизации насилия и террора; для немецких группировок важное значение в политической концепции имел «вождь», для евразийцев важно было коллективное управление в виде «идеократии»; и главное, в отличие от «консервативных революционеров» эмигрантское положение евразийцев не позволило им оказать непосредственное влияние на политическое развитие собственной страны.

⁸ Luks L. Die Ideologie... S. 390-394; Он же. «Eurasier» und «Konservative Revolution»... S. 228-234.

⁹ Luks L. «Eurasier» und «Konservative Revolution»... S. 237.

¹⁰ Антипов А.П. Новые пути Германии // Новая эпоха. Идеократия. Политика-экономика. Обзоры / Под ред. В.А. Пейляю. Таллин, 1933. С. 35-43. Об этой статье, кстати, упоминает сам Люкс, но не делает из этого соответствующих выводов.

живой интерес евразийцев, с какими именно немецкими группировками они пытались вступить в контакт, какие цели они этим преследовали, и почему эти попытки приходятся именно на начало 1930-х гг.? В данной статье попытаемся дать ответы на эти вопросы.

По-видимому, главным инициатором в налаживании контактов с немецкими консерваторами был именно Антипов, составивший в первой половине 1932 г. записку председателю «ЦК» евразийской организации П.Н. Савицкому «О возможности связей с германскими группировками»¹¹. Эта записка была Савицким подробно законспектирована, как и уже упомянутая статья Антипова, которая была написана позже и опубликована в 1933 г. в сокращенном виде в очередном евразийском сборнике. Савицкий в этот период сам начинает более пристально интересоваться идеями немецких группировок, о чем свидетельствуют его конспекты опубликованных им статей, а также сохранившиеся в его записных книжках многочисленные выписки из все тех же статей¹².

Как в работах Антипова, так и в записках Савицкого, речь идет об установлении контактов с четырьмя немецкими группами: «Гегнер», «Ди Тат», «Шварце Фронт» и «Видерштандсбефегунг»¹³. Чтобы понять, почему именно они привлекли внимание евразийцев, рассмотрим вкратце, что представляли собой эти группировки в указанный период.

Группировка «Гегнер» сложилась вокруг журнала с таким же названием в начале 1932 г., когда редактором журнала стал Харро Шульце-Бойзен. Он же являлся и интеллектуальным лидером этого кружка¹⁴. Сформулированная им новая концепция журнала отличалась обобщенностью: «У нас нет программы. Мы не знаем каменных правд. Единственное, что нам свято - это жизнь, единственное, что нам кажется ценным - это движение»¹⁵. Помимо подобных абстрактных лозунгов, в публикациях «Гегнера» можно выявить ряд центральных идей. Члены кружка выступали против капитализма, однако считали, что борьба с ним должна

¹¹ Записка А.П. Антипова Председателю Ц.К. ЕА организации «О возможности связей с германскими группировками», Bakhmeteff Archive on Russian and East European History and Culture (BAR). Columbia University Libraries, New York. George Vernadsky Papers, Box 7.

¹² Записная книжка П.Н. Савицкого № 65 (ноябрь-декабрь 1932 г.): Slovanska knihovna Praha, fond P.N. Savickoho, cislo inventarno 231, krabice XVI (Выписки на 18 страницах, страницы не нумерованы).

¹³ Мы здесь пользуемся немецкими названиями, как впрочем, и сами евразийцы. В переводе на русский язык они означают: «Противник», «Действие», «Черный фронт» и «Движение сопротивления».

¹⁴ Bahar A. Sozialrevolutionärer Nationalismus zwischen Konservativer Revolution und Sozialismus. Harro Schulze-Boysen und der «Gegner»-Kreis. Koblenz, 1992; Coppi H., Danyel J. (ред.). Der «Gegner»-Kreis im Jahre 1932/33. Berlin, 1990. О биографии Шульце-Бойзена см. Coppi H., Andresen G. (ред.) Dieser Tod paßt zu mir. Harro Schulze-Boysen - Grenzgänger im Widerstand. Briefe 1915 bis 1942. Berlin, 1999. См. также: Schüddekopf O.E. op. cit., S. 350-354; Paetel K.O. Versuchung oder Chance? Zur Geschichte des deutschen Nationalbolschewismus. Göttingen, 1965. S. 189-205; Dupeux L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919-1933. Kommunistische Strategie und konservative Dynamik. München, 1985. S. 383-392.

¹⁵ Schulze-Boysen H. Der neue Gegner // Gegner 4/5 (1932). 5.3.1932. S. 2.

вестись не посредством рабочих партий СДПГ и КПП, а «орденом социалистической революции», то есть избранным меньшинством¹⁶. Шульце-Бойзен пропагандировал «внутреннюю» революцию, в смысле создания человека «нового типа». Особую роль в этом он отводил молодому поколению, олицетворявшему для Шульце-Бойзена тот «третий фронт», который стоял бы над партиями и в котором выражался «народ»¹⁷. Различные политические убеждения и партийная принадлежность молодых людей, в его представлении, не являлись препятствием: «Мы... должны стоять вместе против старых догм. За новую жизнь. *Противники* из всех лагерей, соединяйтесь!»¹⁸.

В экономическом плане сотрудники «Гегнера» высказывались за социализм, под которым понимали плановое хозяйство, экономическую автаркию и перераспределение собственности. В политическом плане их идеалом было государство, построенное на основе «народного единения» (Volksgemeinschaft).

В этой связи огромное впечатление на Шульце-Бойзена и его соратников произвели достижения в экономическом и общественном строительстве в СССР. Они предполагали, что в СССР удалось объединить национальную мобилизацию и планово-хозяйственную интеграцию страны. Им казалось, что в СССР совпали национальная и социалистическая революции, что привело к полной мобилизации всех общественных сил и экономических ресурсов. Поэтому они выступали против возможной западной интервенции в СССР¹⁹.

Принципиальная политическая открытость «Гегнера» стала причиной того, что журнал первоначально не выступал против национал-социалистов, но в начале 1933 г. полагал возможным «форсирование» национал-социалистической «революции» к настоящему социализму. Тем не менее, полиция считала сотрудников «Гегнера» «радикально коммунистически» настроенными. В апреле 1933 г. редакция журнала была разгромлена штурмовыми отрядами национал-социалистической партии, один его сотрудник был убит, а сам Шульце-Бойзен арестован и тяжело избит. Видимо это способствовало тому, что Шульце-Бойзен стал впоследствии одним из деятелей сопротивления против национал-социалистов. Он состоял в руководстве антифашистской группировки, известной под названием

¹⁶ Schulze-Boysen H. Die Saboteure der Revolution // *Gegner* 7 (1932). 5.4.1932. S. 3-4, цитата на S. 4.

¹⁷ Schulze-Boysen H. *Gegner von heute - Kampfgenossen von morgen*, Berlin 1932 (Цит. по: Bahar A. op. cit., С. 112).

¹⁸ «Wir, die die Forderung der Geschichte angeht, müssen zusammenstehen gegen die alten Dogmen. Für neues Leben. *Gegner* in allen Lagern, vereinigt euch!», Schulze-Boysen H. Vom kommenden Wir // *Gegner* 1/2 (1932). 10.7.1932. S. 3-4.

¹⁹ Bahar A. op. cit., S. 118-129. «Гегнер» даже провел опрос представителей разных политических групп на тему отношения к возможной интервенции в СССР: Interventionskrieg - Sowjetunion? Was tun wir? // *Gegner* 11/12 (1932). 10.6.1932. S. 6-8.

«Красная капелла», и передавал военную информацию советской разведке. В 1942 г. он был арестован гестапо и казнен²⁰.

Если отличительным признаком «Гегнера» являлось отсутствие четко сформулированной программы и принципиально открытое отношение к своим идейным противникам, то группировка, сложившаяся вокруг журнала «Ди Тат», выдвинула более определенную экономическую и политическую концепцию и ставила перед собой конкретные политические цели²¹. Главной фигурой в «Ди Тат» был журналист Ханс Церер. В октябре 1929 г. он стал фактическим редактором журнала, имевшего к тому моменту уже определенную репутацию проводника «духовного обновления» Германии. Видными сотрудниками Церера были Фердинанд Фрид (настоящее имя Фердинанд Фридрих Циммерманн) и Гизелхер Вирзинг. Именно они составили ядро кружка «Тат-Крайс», сложившегося вокруг журнала, который тут же после их прихода приобрел широкую известность и популярность. «Тат-Крайс» не был обширной организацией и состоял, по существу, только из сотрудников журнала.

Резко возросшая популярность журнала объяснялась тем, что его редакторы предлагали своим читателям как будто готовые ответы на все болезненные вопросы текущего дня, демонстрируя полную уверенность в знании дела и собственной правоте²². За обличающей критикой действительности первоначально слабо угадывалась собственная позитивная концепция журнала, который при этом демонстративно объявлял о своем невмешательстве в конкретную политику. Однако со временем «Ди Тат» все более детально развивает собственную программу и одновременно предпринимает попытки участвовать в политике, что совпало с некоторым ослаблением его критики существующей системы. В конце концов, его сотрудники попытались полностью утвердить себя как политики, претендующие на то, чтобы творить историю²³.

Практически все статьи «Ди Тат» были проникнуты страстным отрицанием существующего экономического и политического строя Веймарской республики. Современное положение характеризовалось им не иначе как «кризис», «катастрофа» или «хаос». Авторы журнала связывали эти явления с кризисом капитализма и всего существования «бюргерского человека». По их мнению, общий хаос острее всего сказывался на положении «среднего слоя» общества. Под воздействием давления двух полюсов - капиталистической элиты и масс - шла экономическая деградация «середины». Они считали это выражением конца частного ка-

²⁰ Bahar A. op. cit. S. 135-137, 92. Об идеологии см. также: Coppi H. Harro Schulze-Boysen und der «Gegner»-Kreis // Coppi H., Danyel J. (ред.) Der «Gegner»-Kreis im Jahre 1932/33. Berlin, 1990. S. 61-62.

²¹ См. Sontheimer K. Der Tatkreis (1957) // Jasper G. (ред.) Von Weimar zu Hitler 1930-1933. Göttingen, 1968. S. 197-228; Fritzsche K. Politische Romantik und Gegenrevolution. Fluchtwege in der Krise der bürgerlichen Gesellschaft: Das Beispiel des «Tat»-Kreises. Frankfurt/M., 1976. См. также: Paetel K.O. op. cit. S. 225-24.; Hecker H. op. cit.

²² Fritzsche K. op. cit. S. 45-57.

²³ Fritzsche K. op. cit. S. 58.

питализма. Доказательством и выражением этого конца для них являлся экономический кризис, который разразился в 1929 г. В политическом плане, критикуя «Веймарскую систему», которая для них была синонимом «либерализма», они атаковали все «западные ценности». В целом их критика носила достаточно популистский, поверхностный характер и имела пророческий пафос²⁴.

Собственная позитивная концепция авторов журнала «Ди Тат» была пропитана иррациональными мифами, в ней превозносились такие абстрактные понятия, как «вера», и проповедовался культ молодежи как силы будущего. В политическом плане они придавали особое значение «среднему» слою общества, который должен был выступать как носитель власти в будущем государстве. Правление должно было осуществляться «лучшими» в лице «бюргерской интеллигенции». Историческим призванием «среднего» слоя, по их мнению, являлось создание «национального социализма». Авторы «Ди Тат» требовали народного единения (Volksgemeinschaft) в рамках авторитарного государства, а также построения сильной империи. Необходимым условием для этого они считали установление автаркии, т.е. освобождение от политической и экономической зависимости от Запада. Они мечтали о перестройке мира. В этом смысле особую роль они отводили России как стратегическому партнеру, стоящему вне «Версальской системы». В то же время, их имперские амбиции также направлялись на восточную и юго-восточную Европу, которую они считали сферой влияния Германии и где они видели выход из политического и экономического «окружения» Запада²⁵.

Постепенное усиление политической пропаганды сотрудников «Ди Тат» и все более активные попытки вмешиваться в реальную политику выразились в частности в том, что они поддерживали генерала К. фон Шлейхера при его продвижении к власти. Его канцлерство при поддержке президента П. фон Гинденбурга, начиная с декабря 1932 г., они считали воплощением их идеала политического господства, представленного в виде объединения авторитета президента - «auctoritas» - и власти армии - «potestas». Несмотря на то, что их «идеал» скоро был смещен Гитлером, они быстро примирились с новой властью и некоторые члены кружка, такие как Ф. Фрид и Г. Вирзинг, сделали при новом режиме неплохую карьеру в СС²⁶.

Консервативное объединение «Шварце фронт» находилось в определенной связи с кружком «Ди Тат», хотя, в отличие от него, обладало значительно мень-

²⁴ Fritzsche K. op. cit. S.58-127. Члены «Тат-Крайс» отличались от других критиков Веймарской республики, прежде всего, более авторитетными суждениями в области экономики. Их экономические взгляды развивались под влиянием экономиста Вернера Зомбарта, слушателями которого являлись Х. Церер и Ф. Фрид. Общая линия аргументации и терминология в критике капитализма позаимствованы именно у него. Члены кружка потом его называли личным другом и постоянным соратником: Ibid. S.53, 81, 353 (Прим. 93).

²⁵ Fritzsche K. op. cit. S. 128-236.

²⁶ Fritzsche K. op. cit. S. 260-314.

шим влиянием²⁷. Центральной фигурой и организатором «Шварце фронт» был Отто Штрассер, лейтенант армии, юрист, одно время член СДПГ, работавший в государственных структурах и промышленности. Штрассер с 1925 г. состоял членом НСДАП. Будучи пропагандистом «социалистических» лозунгов и борцом за «настоящий» национал-социализм, он оказался в противоречии с партийным руководством в лице Гитлера, чем и было вызвано его исключение из партии в 1930 г.²⁸ После разрыва с Гитлером он создал «боевое содружество революционных национал-социалистов», на основе которого в 1931 г. попытался организовать более широкое объединение под названием «Шварце фронт». Название было связано с тем, что, по его убеждению, существовало два двойных политических фронта: во-первых, «реакционный» фронт, в котором слились «консервативный» и «либеральный» фронты, и, во-вторых, «фронты революции», то есть «красный», коммунистический, и «черный», национал-революционный, фронт²⁹. Для пропаганды своих идей О. Штрассер организовал издание журнала под названием «Шварце фронт». Однако, несмотря на его претензии объединить ряд национал-революционных организаций, относившихся отрицательно к партии Гитлера, весь «Шварце фронт» состоял лишь из группы бывших членов НСДАП - активистов «боевого содружества» Штрассера. Его личные контакты с другими группировками не привели к созданию единой организации, что не позволило «Шварце фронт» приобрести какое-либо заметное влияние³⁰.

Программой «Шварце фронт» был выдвинутый в августе 1931 г. обобщающий манифест этого объединения, который призывал к «тотальной революции». Под последней подразумевалась революция, которая должна была быть одновременно и «социалистической», и «национальной», и «народной» (völkisch). Эта революция представляла бы собой «возвращение» к истокам бытия, природы, истории, судьбы и бога. Она мыслилась как «тотальная» и в том отношении, что она должна была быть и экономической, и политической, и культурной³¹. Дальнейшие лозунги «Шварце фронт» во многом напоминали уже известную нам программу «Ди Тат». Они говорили о всеобъемлющем кризисе, о необходимости народного единения (Volksgemeinschaft), сочувственно относились к идее создания закрытого экономического пространства (автаркии), к системе ленной собственности и сословному государственному строю. Связь «Шварце фронт» с «Ди Тат» не ограничивалась только идейным сходством, но и выражалась в заинтересованных личных контактах между О. Штрассером и Х. Церером, руководителем «Ди

²⁷ Moreau P. Nationalsozialismus von links. Die «Kampfgemeinschaft Revolutionärer Nationalsozialisten» und die «Schwarze Front» Otto Strassers 1930-1935. Stuttgart, 1985; Paetel K.O. Otto Strasser und die «Schwarze Front» des «wahren Nationalsozialismus» // Politische Studien 8(92) (1957). S.269-281; см. также: Paetel K.O. op. cit., S. 206-224; Dupeux L. op. cit. S. 393-418.

²⁸ Paetel K.O. Otto Strasser... S. 271.

²⁹ Dupeux L. op. cit. S. 402.

³⁰ Paetel K.O. Otto Strasser... S. 272-277.

³¹ Das Manifest der Schwarzen Front // Moreau P. op. cit. S. 250-251 (документ 5).

Тат». Последний даже присутствовал на учредительном конгрессе «Шварц фронт» в октябре 1931 г. Контакт, однако, вскоре прервался в связи с тем, что Церер в 1932 г. отошел от революционных идей и увлекся реальной политикой³². Сам Штрассер, будучи открытым противником Гитлера, в 1933 г. был вынужден эмигрировать, но и в эмиграции продолжал вести пропаганду против Гитлера³³.

Последняя из рассматриваемых здесь немецких консервативных группировок - «Видерштандсбевегунг» - сложилась вокруг Эрнста Никиша и его журнала «Видерштанд»³⁴. Никиш был в 1918-1919 гг. членом Центрального совета Советской республики в Мюнхене, а после некоторое время являлся членом СДПГ, откуда вышел в связи с политическими разногласиями. В 1926 г. он основал журнал «Видерштанд», в котором изложил свою политическую концепцию «сопротивления» (Widerstand) против Версальского договора и против всех связанных с ним обязательств Германии³⁵. Он выступал за «освобождение» рабочего класса Германии, которое, по его мнению, было возможно только после того, как сама Германия освободится от обязательств договора. Освобождение должна была принести не открытая борьба, но рост сопротивленческого настроения населения.

В одной из главных программных статей «Видерштанда» под названием «Политика немецкого сопротивления», вышедшей в апреле 1930 г., Никиш подробно изложил свою историософскую и политическую концепцию. Он проповедовал отказ от «идей 1789 года», то есть от просвещения и гуманизма, которые, как он считал, выражались в индивидуализме, бюргерском представлении о мире и экономике, в марксизме, парламентаризме и демократии. Источником этих идей, с его точки зрения, являлись романские страны, в первую очередь, Франция и Италия, союзником которых был «политический католицизм». В форме «Веймарской системы» этим странам и идеям подчинялась и Германия. Самым радикальным протестом против этих идей, против гуманизма и цивилизаторских ценностей, Никиш считал русский большевизм, так как современная ему Россия, в отличие от «Запада», была не индивидуалистична и не либеральна, в ней политика ставилась выше экономики. Однако он не считал, что Германии надо позаимствовать большевизм, но полагал, что она должна развивать собственную сущность, которая была противоположна «идеям 1789 года». Тем не менее, в борьбе против превосходящих сил победителей первой мировой войны Германия должна была опираться на поддержку России.

³² Moreau P. op. cit. S.140-147.

³³ Paetel K.O. Otto Strasser... S. 279-281.

³⁴ Kabermann F. Widerstand und Entscheidung eines deutschen Revolutionärs. Leben und Denken von Ernst Niekisch. Köln, 1973; Buchheim H. Ernst Niekischs Ideologie des Widerstandes // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 5 (1957). S. 334-361. См. также: Dupeux L. op. cit. S. 235-243 и 317-347; Paetel K.O. op. cit. S.79-105; Taschka S. Das Rußlandbild von Ernst Niekisch. Erlangen, Jenna, 1999.

³⁵ Kabermann F. op. cit. S. 27-36; 57-76.

В целом, Никиш требовал, чтобы Германия отошла от «Запада» и повернулась на Восток, чтобы она вышла из всемирной экономики, уменьшила до минимума свою промышленность, провела деурбанизацию, ввела таможенные преграды для охраны сельского хозяйства. Германия должна была создать систему обязательных трудовых лагерей для молодежи с целью внедрения строгой дисциплины, «воли к бедности» и простого образа жизни. Установление авторитарного и строгого быта позволило бы, по его убеждению, поднять обороноспособность страны. Он также проповедовал отказ от частной собственности в смысле римского права и утверждал новый принцип собственности, которая давалась бы за службу народу и государству³⁶.

Высшей точкой развития историософских взглядов Никиша стала его «Потсдамская идея», заключающаяся в идеализации Пруссии эпохи Фридриха II, и служившей историческим и философским обоснованием политической концепции «сопротивления». Никиш писал: «Смысл большевистской революции был в том, что в момент смертельной опасности Россия ухватилась за идею Потсдама и довела эту идею до крайнего предела, до почти безмерного состояния. Россия сотворила то абсолютное военное государство, которое даже повседневную жизнь подчиняет правилам военного лагеря, граждане которого умеют когда надо голодать и сражаться, и все проявления жизни которого до отказа наполнены волей к обороне»³⁷. Он считал, что этой «воле» немцы должны учиться у России, и предлагал послать для этого в Россию «немецкие легионы», чтобы те присоединились к «русским полкам»³⁸. Немцы должны были «вернуть» себе из Москвы «Потсдамскую идею» и позаимствовать оттуда коммунистические формы организации жизни. Он считал эти заимствования из России безопасными для «характера» Германии, так как, по его мнению, «германская субстанция» была «выше» русской: «В германо-славянской среде она (германская субстанция - М.Б.) будет являться мужским, приказывающим, оплодотворяющим элементом. Потсдам будет Римом и Парижем нового восточного мира, который будет простираться до Тихого океана»³⁹.

Восхищение, которое испытывал Никиш по отношению к Советскому Союзу, было в немалой степени вызвано кажущимся блестящим осуществлением пятилетнего плана и коллективизации сельского хозяйства. Никиш вступил в Берлине в «Рабочую группу по изучению планового хозяйства» (ARPLAN) и как ее участник посетил в 1932 г. СССР⁴⁰. После прихода к власти Гитлера, к которому Никиш относился с открытой враждебностью, его публицистическая деятельность

³⁶ Б.а. [Niekisch E.]. Die Politik des deutschen Widerstandes // Widerstand 5 (1930). S. 97-99. О необходимости союза Германии и России см. также: Niekisch E. Europa betet // Widerstand 5 (1930). S. 65-72.

³⁷ Niekisch E. Das Potsdamer Gesetz (1931). Цит. по: Dupeux L. op. cit. S. 332.

³⁸ Niekisch E. Abrüstung? // Widerstand 5 (1930). S. 353-361.

³⁹ Niekisch E. Das Potsdamer Gesetz (1931). Цит. по: Dupeux L. op. cit. S. 334.

⁴⁰ Dupeux L. op. cit. S. 330.

была сильно ограничена. В 1937 г. он был арестован гестапо за организацию нелегальных политических кружков и приговорен к пожизненному заключению. После его, освобождения в 1945 г. советскими войсками, он вступил в КПП, позже стал профессором политологии Университета им. Гумбольдта и членом парламента ГДР. Однако в начале 1950-х гг. Никиш был осужден за «объективизм» и «идеализм» и до своей смерти жил в западном Берлине⁴¹. В конце концов он отошел от участия в реальной политике и полностью посвятил себя занятиям исторической философией⁴².

Таким образом, в начале 1930-х гг. указанные выше консервативные группы находились на пике своей публицистической деятельности. Именно на данный период, как уже говорилось, приходится попытка евразийцев установить с ними контакт. При этом евразийцы подробно изучали и анализировали политические программы и идейные концепции немецких консервативных группировок. Так А.П. Антипов в первой половине 1932 г. отмечал относительно «Гегнера» в своей записке «О возможности связей с германскими группировками», что программу этого журнала можно свести к следующим ключевым требованиям: «в борьбе против существующей системы необходимо создание меньшинства, организованного в виде ордена и стоящего вне классов», куда группа призывает «вступать всех сочувствующих этой идее, независимо от лагеря, в котором они находятся». Он полагал, что у «Гегнера» нет других идей, «кроме этой идеи «правлящего отбора» и отрицания капитализма».

К религиозной идее, которая в учениях евразийцев занимала центральное место, «Гегнер», по суждению Антипова, имел «сочувственное отношение». В целом, делал вывод Антипов, программа «Гегнера» только вырабатывалась, «силы у них молодые, неопытные». Антипов положительно оценил то, что у группы был довольно широкий кругозор «без национальной узости и предвзятости». Так как Антипову «в их писаниях ничего не показалось неприемлемым», он предлагал следующую тактику: «Нужно употребить все усилия, чтобы завязать с ними сношения как можно более близкие. Следует стараться питать их нашими идеями, стараться помещать в «Гегнере» ЕА (т.е. евразийские - М.Б.) статьи, а конечной целью поставить себе издание совместного с ними журнала («Гегнера» или другого)»⁴³. Таким образом, очевидная идейная и политическая открытость журнала, повлияла на то, что евразийцы попытались не только установить контакт с «Гегнером», но и идейно повлиять на него.

Определенные шаги в этом направлении были предприняты немедленно. 4 сентября 1932 г. Савицкий, которому была адресована записка Антипова, отпра-

⁴¹ Kabermann F. op. cit. S. 147-154, 213-220; Dupeux L. op. cit. S.346.

⁴² Buchheim H. Ernst Niekischs Ideologie... S. 342-343. На историософскую концепцию Э. Никиша важное влияние оказали взгляды и идеи Ф.М. Достоевского, в частности его представление о «вечно протестующей Германии». См. Dostojewski F.M. Deutschland, die protestierende Macht // Widerstand 5 (1930). С. 72-76.

⁴³ Записка Антипова. BAR-Vernadsky Papers, Box 7.

вил письмо с «товарищеским приветом» Шульце-Бойзену. К письму он приложил статью, которая была предназначена для выпуска «Гегнера», посвященного теме «Европа». Предварительная договоренность о публикации этой статьи была уже достигнута между Шульце-Бойзенем и Антиповым⁴⁴. Однако в упомянутом номере «Гегнера» она так и не появилась. Вместо нее в журнале была помещена небольшая редакционная заметка под названием «Евразийцы». В заметке сообщалось, что журнал получил программные тезисы евразийцев, и далее давалась краткая характеристика евразийской группы, как «пореволюционного эмигрантского движения, ... которое называет себя антикапиталистическим, но не коммунистическим». Было отмечено также стремление евразийцев к установлению автаркии и «идеократического государственного строя». Редакция «Гегнера», вместе с тем, критиковала идеократические планы евразийцев, так как отрицательно относилась к любому государственному образованию, созданному на основе идеи. Тем не менее, «Гегнер» считал примечательным фактом появление в кругах русской эмиграции кружка «анти-интервенционистов, который преимущественно положительно относится к СССР». Редакция обещала в будущем по возможности более подробно рассказать о евразийцах⁴⁵. Однако дальнейшему развитию контактов мешало закрытие журнала в 1933 году.

Более четкая, чем у «Гегнера», политическая программа группы «Тат-Крайс» заставляла евразийцев сомневаться в возможности повлиять на эту группу или даже наладить эффективное взаимодействие. Однако это не мешало им также живо интересоваться «Ди Тат». В своей записке Савицкому Антипов отмечал, что, в отличие от «Гегнера», эта группировка занимается не общими вопросами, но проблемами, вытекающими из конкретной германской действительности. Он писал, что группа «имеет свою историю и традицию, а также вполне определенную и разработанную идеологию». Автор записки особо подчеркивал, что «Ди Тат» занимает в Германии «почетное место», имеет влияние, и к нему прислушиваются. В то же время, он предупреждал, что эта группа «продолжает в новых формах старую германскую политику (в прикрытой форме), которая состоит в стремлении подчинить себе сначала среднюю Европу, чтобы в последствии подчинить своему влиянию и Восток, т.е. Россию». Поэтому, заключал Антипов, политика «Ди Тат» была «потенциально враждебна России». Тем не менее, он находил в программе «Ди Тат» много общего со взглядами евразийцев⁴⁶. Сходства, по его мнению, касались представлений об идеальном экономическом устройстве в виде «государственно-частной экономической системы», а также концепции государственного управления. Государство должно было быть построено «органич-

⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-5783. Оп.1. Ед.хр.355. Л.387.

⁴⁵ Б.а. Eurasier // Gegner 5-6 (1932). 1.10.1932. S. 8.

⁴⁶ Записка Антипова. BAR-Vernadsky Papers, Box 7.

но» на основе корпоративных структур, и управлять им должен был «ведущий слой», отобранный по определенному идейному принципу⁴⁷.

Очевидное сходство политических и экономических представлений членов «Ди Тат» и евразийцев, видимо, подтолкнуло Савицкого к тому, чтобы, в свою очередь, более подробно изучить их концепцию. В его записных книжках встречаются подробные конспекты статей журнала, выпущенных в 1932 г.⁴⁸ Его внимание привлекла политическая публицистика Церера, особенно заявления о конце современной политической системы и замене ее в будущем корпоративным государственным строем. Из экономических высказываний «Ди Тат» Савицкий обращал внимание на концепцию планового хозяйства В. Зомбарта и на заявления Ф. Фрида о необходимости установления хозяйственной автаркии и экономической экспансии Германии на Восток. Савицкого также интересовали внешнеполитические взгляды Г. Вирзинга и его призывы к политическому сотрудничеству с СССР в целях совместной борьбы против Версальского договора⁴⁹.

В целом, евразийцы считали желательным установление контакта и с этой немецкой группировкой. Как считал Антипов, это должно было выразиться в публикации статей евразийцев в журнале «Ди Тат». Это казалось тем более возможным после появления в февральском номере журнала за 1932 г. статьи русского эмигранта Бориса Ижболдина⁵⁰. Антипов уже ранее посылал в редакцию «Ди Тат» перевод так называемой программной «формулировки» евразийцев,⁵¹ однако его обращение осталось без отклика. Сотрудничество более тесное, чем просто публикация евразийских статей в этом журнале, Антипов считал едва ли возможным. Он писал: «...Этот журнал очень германский и очень политический, и заниматься делом посторонним, т.е. в данном случае общим действием с ЕА (ев-

⁴⁷ Первоначальный вариант статьи Антипова, приведенный здесь по конспектам П.Н. Савицкого: Записная книжка П.Н. Савицкого № 65 (ноябрь-декабрь 1932 г.): Slovanska knihovna Praha, fond P.N. Savickoho, cislo inventarn. 231, krabice XVI.

⁴⁸ Конспекты П.Н. Савицкого. Записная книжка П.Н. Савицкого № 65 (ноябрь-декабрь 1932 г.): Slovanska knihovna Praha, fond P.N. Savickoho, cislo inventarn. 231, krabice XVI.

⁴⁹ В конспектах Савицкого есть изложение следующих статей «Ди Тат»: Zehrer H. Das Ende der Parteien // Die Tat 24 (1932/33). Heft 1. April 1932. S. 68-79; Он же Die Etappe Papen // Die Tat 24 (1932/33). Heft 8: November 1932. S. 625-634; Sombart W. Planwirtschaft // Die Tat 24 (1932/33). Heft 1. April 1932. S. 37-42; Fried F. Welthandelskrieg // Die Tat 24 (1932/33). Heft 1. April 1932. S. 42-59; Он же Der Übergang zur Autarkie // Die Tat 24 (1932/33). Heft 2. Mai 1932. S. 120-150; Он же Deutschlands handelspolitische Einkreisung // Die Tat 24 (1932/33). Heft 8. November 1932. S. 634-646; Holzer M. Die Tragödie der deutschen Wirtschaft // Die Tat 24 (1932/33). Heft 2. Mai 1932. S. 155-168; Он же Der Generalangriff auf den Sozialismus // Die Tat 24 (1932/33). Heft 8. November 1932. S. 652-658; Wolfgang G. Der Weg zur ländlichen Planwirtschaft // Die Tat 24 (1932/33). Heft 2. Mai 1932. S. 150-155; Wirsing G. Die Siegfriedstellung der deutschen Außenpolitik // Die Tat 24 (1932/33). Heft 1. April 1932. S. 14-35 Он же Doch Kompromiß? // Die Tat 24 (1932/33). Heft 8. November 1932. S. 646-652.

⁵⁰ Ischboldin B. (Ижболдин Б.) Der Bolschewismus als ideokratisches Wirtschaftssystem und seine ideokratischen Gegenspieler // Die Tat 23 (1931/32). Heft 11. Februar 1932. S. 907-921. Статья посвящена изучению перехода капитализма в новую экономическую систему на примере Советской России и фашистской Италии.

⁵¹ Имеется в виду: Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы 1932. [Прага], 1932.

разийцами - М.Б.), он не станет, да нам это, кроме того, и нежелательно, ввиду его традиционно-германского характера». Лишним доказательством малой заинтересованности «Ди Тат» в связях с евразийцами служило то, что один из сотрудников журнала в разговоре с евразийцем В.Э. Сеземаном назвал связь с близкими по духу группировками «второстепенной»⁵².

Интерес евразийцев к «Шварце фронт» был значительно слабее, чем к «Ди Тат», так как, по мнению Антипова, первый находился под сильным влиянием второго. Видимо, поэтому он не имел для евразийцев самостоятельного значения. В программе «Шварце фронт» евразийцы отмечали как наиболее важные для себя моменты требование революции и социально-экономических преобразований, которые должны были привести к созданию мощного самостоятельного немецкого государства. Евразийцы особенно подчеркивали, что группировка «Шварце фронт» «не считает нужным бороться против красных», пытается «объединить национализм и социализм, правых и левых», но не обращает особого внимания на СССР⁵³. Программная несамостоятельность «Шварце фронт», с точки зрения евразийцев, его слабое влияние и отсутствие интереса к СССР, вероятно, повлияли на то, что интерес евразийцев к этой группировке не вылился в попытки установить сотрудничество.

Пристальное внимание представителей евразийства к группировке «Видерштандсбевегунг» и ее лидеру Никишу, было вызвано, в первую очередь, тем, что она, как писал Антипов, проповедовала «отталкивание от Запада», пропагандировала «русские этатистские идеи», поддерживала советский режим и вела борьбу против интервенционистских поползновений⁵⁴. Евразийцев, с одной стороны, восхищала историософская концепция Никиша, прежде всего его «Потсдамская идея», подразумевавшая необходимость для Германии учиться у России. С другой стороны, они отмечали двойное отношение этой группировки к России, «как к учителю и как к объекту»⁵⁵. В связи с этим они критиковали «Видерштанд» за «национальный шовинизм», нацеленный на Россию, «которая совместно с Германией должна образовать одно целое под водительством Германии»⁵⁶.

Поэтому не удивительно, что евразийцы видели наименьшую, в сравнении с другими группировками, возможность совместной работы с «Видерштандом». Антипов делал вывод: «Как-нибудь усиливать позиции «Видерштанда», разумеется, не входит в наши интересы, но мы могли бы воспользоваться журналами этого движения... с целью сделать более известными наши собственные идеи»⁵⁷.

⁵² Записка Антипова. BAR-Vernadsky Papers. Box 7.

⁵³ Первоначальный вариант статьи Антипова, приведенный здесь по конспектам П.Н. Савицкого. Записная книжка П.Н. Савицкого № 65 (ноябрь-декабрь 1932 г.): Slovanska knihovna Praha, fond P.N. Savickoho, cislo inventarn. 231, krabice XVI.

⁵⁴ Записка Антипова. BAR-Vernadsky Papers, Box 7.

⁵⁵ Антипов А.П. Новые пути... С.42.

⁵⁶ Записка Антипова. BAR-Vernadsky Papers, Box 7.

⁵⁷ Записка Антипова. BAR-Vernadsky Papers, Box 7.

Несмотря на, в целом, отрицательное отношение к этой группировке евразийцы, видимо, все-таки предприняли попытку войти в контакт с Никишем, о чем свидетельствует пометка в записной книжке Савицкого⁵⁸. Характерно, что и далее Савицкий продолжал интересоваться историософией Никиша, активно читал и конспектировал его работы, в частности его книгу «Решение» (Entscheidung), вышедшую в 1930 г.⁵⁹

В целом, подводя итог своему анализу возможности установления контактов с немецкими «консервативными революционерами», Антипов не поддавался иллюзиям. В своей записке он отмечал: «...Сотрудничество с германскими группировками сопряжено с затруднениями особого характера, а именно Германия живет сейчас слишком бурной жизнью, немцам трудно заняться чем-нибудь, имеющим лишь косвенное отношение к германской действительности. Кроме того, интересные для нас политические группировки Германии имеют преимущественно национальный характер, а Германия слишком близко находится от России, чтобы национальные стремления первой не сталкивались с таковыми же стремлениями второй. Но... возможности налаживания связей есть»⁶⁰.

Почему же все же евразийцы попытались вступить в контакт с немецкими «консервативными революционерами», по каким соображениям были выбраны именно эти группировки, и почему попытки эти имели место именно в начале 1930-х гг.?

Здесь необходимо обратить внимание на то, что представляла собой евразийская организация в рассматриваемый период. Очевидно, что евразийство как движение переживало в начале 1930-х гг. глубокий внутренний кризис. Обосновавшаяся в Кламаре, пригороде Парижа, группа евразийцев, в которую входили такие видные представители движения, как П.П. Сувчинский, один из основателей евразийства, философ Л.П. Карсавин и литературовед Д.П. Святополк-Мирский, в конце 1920-х гг. стала все более увлекаться марксизмом и открыто пропагандировать близкие к большевизму взгляды в издаваемой ею газете «Евразия». В ответ на это еще один из основателей евразийства, лингвист Н.С. Трубецкой, объявил в январе 1929 г. о своем выходе из движения. К 1930 г. кламарская группа перестала существовать⁶¹. Таким образом, в начале 1930-х гг. из прежних лидеров евразийства продолжал активно работать лишь один Савицкий. Возглавляя «правое» крыло движения, он попытался составить новую программу, как основу дальнейшей деятельности евразийцев, что могло бы помочь движению выбраться из кризиса. Эта программа была опубликована в Праге в 1932 г. под названием

⁵⁸ Записная книжка П.Н. Савицкого № 65 (ноябрь-декабрь 1932 г.): Slovanska knihovna Praha, fond P.N. Savickoho, cislo inventarn. 231, krabice XVI.

⁵⁹ Записная книжка П.Н. Савицкого № 58 [начало 1933 г.]: Slovanska knihovna Praha, fond P.N. Savickoho, cislo inventarn. 231, krabice XVI.

⁶⁰ Записка Антипова. BAR-Vernadsky Papers, Box 7.

⁶¹ Казнина О.А. Н.С. Трубецкой и кризис евразийства // Славяноведение 4 (1995). С. 89-95; Böss O. op. cit. S. 118-121.

«Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы 1932» и также послана уже известным нам немецким группировкам.

В связи с внутренним кризисом евразийства интерес его членов к немецким консервативным группировкам и попытки завязать с ними контакт приобретают вполне конкретный смысл. Во-первых, связь с близкими по духу консервативными группировками могла служить идейному самоутверждению евразийцев. Созвучные евразийским идеи немецких групп должны были казаться им подтверждением правоты собственных концепций. Одновременно пристальный интерес к публикациям этих групп может свидетельствовать и об их желании перенять некоторые идеи, что вполне объяснимо в той кризисной ситуации, в которой находились евразийцы. Во-вторых, евразийцы пытались при помощи контактов с немецкими консервативными группировками и их журналами способствовать распространению своих идей и, как следствие, увеличению числа последователей. В-третьих, они, вполне очевидно, намеревались посредством этих контактов даже повлиять соответствующим образом на развитие Германии.

Важной предпосылкой к возможному сближению евразийцев и немецких консервативных группировок стал разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис. Он лишний раз продемонстрировал нестабильность старого миропорядка и необходимость поиска новых путей исторического развития. В этой связи примечательно, что программы немецких «революционно-консервативных» группировок интересовали евразийцев исключительно в части проектов нового государственного устройства. Русские эмигранты подвергали анализу именно эту часть немецких концепций, не обращая внимания на разделы, посвященные критике существующей системы. Сами немецкие консервативные группировки, с которыми евразийцы пытались завязать контакт, также были выбраны, прежде всего, исходя из близости их политических и экономических проектов представлениям евразийцев об идеальном государственном устройстве. В этой связи важно отметить, что в новой программе евразийцев, выпущенной в 1932 г., были отражены те же пункты, что и в проектах немецких группировок. В экономической части евразийской программы важное место отводилось антикапиталистическим лозунгам. Альтернативная капитализму экономическая система представлялась в виде государственно-частной. Признавалась важная роль централизованного планирования и, по крайней мере, теоретически, поддерживалась советская модель индустриализации страны. В то же время, евразийцы, как и немецкие консерваторы, высказывались за экономическую автаркию. Относительно будущего государственного строя, программа евразийцев говорила о необходимости создания «идеократии», то есть отбор руководящего звена должен был осуществляться по принципу верности и преданного служения «евразийской идее»⁶².

Немаловажную роль в том, что евразийцы пытались установить контакт именно с этими немецкими группировками, сыграли не только близость их программ-

⁶² Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы 1932. [Прага], 1932. С. 3-6.

ных установок к целям евразийцев, но и отношение их к России или СССР. Для евразийцев было важно, чтобы в заявлениях этих групп России вообще уделялось какое-нибудь внимание. Не менее пристальный интерес вызывало и то, насколько «враждебны» эти группировки по отношению к России или СССР. Главной целью евразийцев в этом смысле было попытаться добиться того, чтобы «новая Германия», в планах этих группировок, не представляла ни военной, ни экономической или культурной угрозы для России или Советского Союза.

В целом, как мы видели, реакция немецких группировок на попытки евразийцев навязать им свое сотрудничество была достаточно сдержанной. Некоторый контакт удалось установить только с «Гегнером», группой с наиболее расплывчатой политической программой. Именно это, видимо, и помогло в налаживании связей. Контакт же с другими группами не получился. Даже «Тат-Крайс», наиболее близкий евразийцам с точки зрения программы и идеологии, не проявил к ним никакого интереса.

О чем же вообще свидетельствуют существовавшие «точки соприкосновения»? Ясно, что говорить о каком-либо влиянии евразийцев на взгляды «консервативных революционеров» нельзя. Но не было ли влияния концепций «консервативных революционеров» на взгляды евразийцев? На наш взгляд, несмотря на всю возможность некоторого влияния, приведенный здесь материал в целом подтверждает вывод Л. Люкса о параллельном развитии. Однако параллели эти касались не только отрицания «западных» ценностей. Если принять во внимание те аспекты, которые интересовали евразийцев в работах немецких консерваторов, то бросается в глаза пристальный интерес евразийцев, впрочем как и их немецких единомышленников, к опыту экономического и политического развития СССР. Этот опыт представлял и для тех, и для других большое значение как важный образец. В то же время, очевидно, что политический и экономический опыт СССР принимал для них уже скорее особую культурную значимость.

Так, придавая большое значение «плановому хозяйству», и видя в этом выход из экономического кризиса, как евразийцы, так и «консервативные революционеры» воспринимали это как проявление нового «культурного порядка», принципиально новой организации жизни. Следовательно «плановое хозяйство» являлось и для тех и для других символом, за которым скрывалась другая, противоположная «западным ценностям», система жизни. Еще одним культурным символом можно считать культ молодежи. Именно молодежь могла осуществить амбициозные планы переустройства мира. При этом как раз молодежь в Советской России должна была служить примером успешной реализации поставленных перед ней задач.

В целом этот положительный образ Советского Союза, занявший прочное место в представлениях широких кругов немецкой бюргерской интеллигенции, соз-

давался не без усердного старания советской пропаганды⁶³. Не меньшее влияние на создание этого образа в среде «консервативных революционеров» оказала книга немецкого публициста Клауса Менерта под названием «Молодежь в Советской России», написанная им после визита в СССР и опубликованная в 1932 г.⁶⁴. Эта книга произвела глубокое впечатление на представителей рассмотренных нами группировок. В издаваемых ими журналах появились положительные или даже восторженные рецензии. «Гегнер» писал, что вся судьба СССР зависела от ответа на вопрос: «Удалось ли перестроить человека, сотворить нового социалистического человека?» И на основе описания Менертом русской молодежи «Гегнер» отвечал, что удалось: «Чудесным образом эта молодежь осуществила нарисованный Ницше в «Воле к власти» образ рабочей аристократии как высшего слоя, который отличается простотой и солдатскими добродетелями. Никто не положит эту книгу из рук без уверенности, что дух молодежного героизма и самопожертвования вечно торжествует»⁶⁵. Журнал «Ди Тат» также высоко оценил книгу Менерта, заметив, правда, что советский положительный опыт нельзя автоматически применять к немецкой действительности⁶⁶. «Видерштанд», наравне с другими, отреагировал положительной рецензией, пообещав своим читателям и далее подробно заниматься такими вопросами⁶⁷.

Итак, попытки контакта евразийцев с немецкими консервативными группировками имели идейной основой не только их отрицание «Запада». Культурная значимость, которую придавали оба течения образу Советского Союза, позволяет более точно определить место этих течений в общей истории идей. Видимо, их следует рассматривать не как «антизападные» движения, а как часть общей консервативной реакции на вызов модерна. Они противопоставляли современному «разорванному» человеку и его кризисному миру схематизированный образ утопического рационально спланированного государства, где существенную роль играет молодежь. Вероятно, место евразийцев и «консервативных революционеров» в истории консерватизма и в истории идей точнее всего можно определить термином «консервативные утописты».

⁶³ Mick Ch. Sowjetische Propaganda, Fünfjahresplan und deutsche Rußlandpolitik 1928-1932. Stuttgart, 1995. Особенно: S. 200-201, 279-280.

⁶⁴ Mehnert K. Die Jugend in Sowjetrußland. Berlin, 1932.

⁶⁵ Schreiber O // Gegner 11/12 (1932). 10.6.1932. S. 30.

⁶⁶ B.B. Vom jungen Rußland // Die Tat 24 (1932/33). Heft 6. September 1932. S. 526-527.

⁶⁷ Widerstand 7 (1932). S. 192.